ЧТО МЕШАЕТ ВЫСТРОИТЬ ЭФФЕКТИВНУЮ ПРИРОДООХРАННУЮ СИСТЕМУ

СЕРГЕЙ НИКОНОВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ПО АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ, ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ И ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ:

— Урал известен высокой концентрацией промышленных предприятий. И поэтому проблема выбросов вредных веществ для нас всегда была актуальной. Здесь расположены многие флагманы российской промышленности. И все они прилагают огромные усилия для модернизации, в том числе, чтобы быть более экологичными. И показатели по выбросам действительно уменьшаются. Сейчас мы должны сделать следующий шаг. Гораздо сложнее обстоит дело с выхлопными газами от автотранспорта. Органы власти предпринимают шаги по решению проблем: общественный транспорт мы постепенно переводим на более экологичные виды топлива. Но ведь остается еще и личный транспорт. Мы должны уменьшать потребность людей садиться за руль, куда-то ехать. Это вопрос концепции развития городов. Вторая проблема — твердые коммунальные отходы. В рамках национального проекта «Экология» перед нами стоят жесткие показатели, которые региону нужно выполнить до 2024 года. Да, проблема свалок и полигонов — это реально вызов для нас сейчас. И эту проблему можно решить только при объединении усилий абсолютно всех сторон — власти, управляющих компаний, региональных операторов, самих людей. Ведь любая сложная проблема, в том числе проблема экологии, состоит из сложных взаимосвязанных факторов. И лишь объединение наших усилий даст общий положительный эффект. А начать каждый из нас может с малого, например, с раздельного сбора мусора.

ВЛАДИСЛАВ ЖУКОВ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ТПП РФ ПО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ И ЭКОЛОГИИ, ЧЛЕН НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕТА РОСПРИРОДНАДЗОРА:

— Один из наиболее сложных вопросов — медицинские отходы, которые в 2009 году выпали из госрегулирования, и сейчас они вообще не присутствуют в законе об отходах. СанПиН распространяется только на манипуляции в лечебном учреждении, в федреестре упоминаются отходы из медотходов, то есть, как только они покидают больницу, они прекращают существовать, и за их перемещением никто не надзирает, поэтому все попадает в несанкционированные места. И хорошо, если это — полигон.

Прецедентов по стране много. Правоохранительные органы возбуждают в том числе уголовные дела, но они обычно заканчиваются ничем, так как выявить цепочки виновников очень сложно. Мы более десяти лет настаиваем на том, чтобы данный вид отходов попал в законодательное регулирование, но пока все споры находятся на уровне, кто должен этим заниматься. Минприроды говорит, что это не их дело, так как данный вид отходов не попадает под их полномочия. Минздрав говорит, что вполне достаточно регулирования в ЛПУ, а вообще ведомство отходами не занимается.

Какие отходы опасны (у нас это определено федеральным классификатором) по своей методологии устанавливает Росприроднадзор, но он эту группу отходов не регулирует, поэтому она не называется опасной. Но есть документ Минздрава России (СанПиН 2010 года), который классифицирует медотходы особым образом: класс А — не опасны, сравнимы с ТКО, классы Б и В — опасные и особо опасные отходы, которые имели контакты с источниками инфицирования, Г — это медикаменты, просроченные лекарства, которые приравниваются к промышленным. И эта классификация абсолютно не коррелируется с федеральным классификатором. Это, конечно, очень удобная ситуация для лечебных учреждений, которые прикрываются аутсорсинговыми договорами и дальше ответственность не несут, ведь какие-то компании за них занимаются удалением и обеззараживанием отходов. Один из хороших вариантов — реализовать систему локального обезвреживания в пределах больниц. Технологические предложения есть — в Челябинске есть компания, которая разработала систему мягкой термической обработки, после которой все отходы становятся инертными и могут легко утилизироваться.

ЮЛИЯ КОРНЕЕВА, ЧЛЕН ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА КОМИТЕТА ПО АГРАРНО-ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ РФ:

— Четыре года назад мы сформулировали идею формирования в России отходоперерабатывающей отрасли и обсуждали ее на разных площадках, в том числе экологических конгрессах, которые ежегодно проводим в Екатеринбурге. За это время первые лица государства создали новые векторы «зеленой» экономики, и один из ключевых вопросов, как создать оборот отходов, вовлекая их в новый цикл. Отходы — это ресурс, который нужно использовать и возвращать в экономику в виде товаров и материалов.

Практика показывает, что сейчас это прерогатива крупного бизнеса, а мелкий и средний об этом даже не думает: они часто утилизируют отходы незаконным путем и создают несанкционированные свалки. Если ставить задачу не на поддержку единичных проектов, которые у нас есть, и в Свердловской области, кстати, есть очень хорошие примеры, которые можно тиражировать, а на формирование системы, мы быстрее решим проблему. Отрасль — это технологии, компетенции, понятная номенклатура потребностей и игроков. Когда говорят, что у нас нет технологий, это не всегда так. Во-первых, существуют возможности привлекать их из-за рубежа, во-вторых, у нас достаточно и собственных разработок, которые не могут найти потребителя. К сожалению, многие наши предприятия опираются на худший принцип НЭПа: утром деньги — вечером стулья. Бизнес ищет короткие проекты: вложил, через год получил эффект и вернул затраты. И при этом предприятия сильно рефлексируют, когда их штрафуют, но почему их штрафуют? Да вы стратегию не выстраиваете, господа. Вы не работаете на будущее с горизонтом хотя бы в пять лет. Если вспомнить, что цикл жизни производства как минимум 30 лет, значит, и стратегия у вас должна быть на 30 лет.

НИКОЛАЙ ЧУРКИН, ЧЛЕН СОВЕТА ПО ВОПРОСАМ АПК И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ СОВЕТЕ ФЕДЕРАЦИИ РФ:

— В Советском Союзе был комплексный подход по природоохранной деятельности, кто бы что не говорил, но мы все разрушили. Поэтому мне смешно, когда я слышу, что экологические проекты надо превратить в бизнес, и тогда все получится. Забудьте эти красивые слова — проблемы, которые мы имеем сейчас, результат того, что абсолютно все отдали в частные руки. Обеспечение потребностей человека и его экологическая безопасность — это государственная функция, и не надо встраивать ее в рыночную экономику. Это не бизнес, и не нужно думать, что частные компании, которые нужны для извлечения прибыли, создадут эффективную систему. Во внутренней экологической политике есть перекос в сторону надзора — к тебе приехали и наказали. А нужно заниматься управлением: стратегия, формулирование задачи, поиск способов решения, контроль над исполнением. Правительство РФ действительно сейчас этим занимается, но давайте честно, у нас пока эта работа в зачаточном состоянии. Может быть, мы просто безалаберные люди, поэтому и отношение к ресурсам такое? На любой фабрике есть «временное хранилище» — красиво звучит. На самом деле это просто свалка. Около 10% того, что мы добываем, используем некачественно. Не тратимся на технологии, которые позволяют увеличить передел и перерабатывать больше одной фракции, создавать «нулевой сброс» отходов.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ДЕПАРТАМЕНТА НАУК О ЗЕМЛЕ И КОСМОСЕ ИНСТИТУТА ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И МАТЕМАТИКИ УРФУ, ЭКСПЕРТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ:

— У государственного надзора есть несколько проблем. Во-первых, объем работы. Существуют два уровня госконтроля — федеральный и региональный. Только в Свердловской области Росприроднадзор курирует около 900 предприятий, еще почти 10 тыс. компаний в зоне ответственности регионального министерства природных ресурсов. И они просто не в состоянии охватить всех, поэтому введен риск-ориентированный подход в отношении предприятий, потенциально опасных для среды и населения. Вторая проблема: колоссальный дефицит кадров в структурах, выполняющих государственную функцию по охране окружающей среды.

Глава Росприроднадзора Светлана Радионова недавно сказала, что руководящие позиции в департаментах по стране заполнены на 70%. При этом кафедры охраны природы или инженерной экологии сегодня есть практически во всех вузах, кроме, пожалуй, театрального. Но специалист поработает в ведомстве и уходит в бизнес. На Ямале, например, госслужащий получает втрое меньше, чем в частной добывающей компании. Посмотрите, как формируется кадровый состав в РПН? Там есть таможенники, финансовые инспекторы и полицейские. Не хватает только людей с высокой квалификацией именно по природоохране.

Крупные предприятия сейчас действительно формируют службы по охране окружающей среды, готовят специалистов и могут обеспечить их лабораториями. Компании поменьше прибегают к аутсорсинговым услугам — консультанты с разной степенью грамотности выполняют функции по охране окружающей среды, хотя на самом деле просто ведут учет и отчетность.

И третий тезис — изменение отношения общественности к проблеме. В 1993 году в Нижнем Тагиле в феврале на митинг собрались 10 тыс. человек. Последние экологические митинги собирали от нескольких десятков до сотни человек. Это говорит о двух вещах: у общества есть другие интересы, а кроме того, заводы теперь так не дымят, и это — факт. Потому что у одних произошел спад производства, а у других появились новые технологии.

ЗА 2019 ГОД РОСПРИРОДНАДЗОР В УРФО:

провел

909

проверок соблюдения требований природоохранного законодательства

возбудил

1541

дело об административных правонарушениях

Предъявил штрафы на сумму (млн руб.)

60 270 000

НАИБОЛЕЕ ЧАСТЫЕ НАРУШЕНИЯ:
обработка отходов IV класса без лицензии
отказ от рекультивации земель
превышение предельных нормативов выбросов в воздух